

ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

КНИГА ДЛЯ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ

Составитель *А. М. КУЧЕРОВ*

1094250

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1988

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. П. В. Бабушкина

*Вице-адмирал
Николай Герасимович
Кузнецов
(1902—1974)*

Сбежавшиеся, кажется, со всего света тучи тяжело и низко повисли над хмурым морем. И чем дальше крейсер «Червона Украина» уходил от Севастополя, тем с большей уверенностью можно было ждать приличной трепки в районе полигона. Об этом судили и по волне. Пока еще мелкая, с виду ленивая, местами она уже закручивалась белыми барашками.

— Свежеет, — испытующе глянул на Кузнецова, командира «Червонной Украины», командующий Черноморским флотом Кожанов.

— Обычное дело, товарищ командующий. Осень, — догадавшись о ходе мыслей Кожанова, командир крейсера тем не менее решил свести разговор к погоде.

— Осень, — повторил Кожанов, оглядывая потемневший среди дня горизонт. — Она-то и нанесла вам упреждающий удар.

Кузнецов в душе повеселел. Однако виду не подал. Довольно и того, что понял — комфлота не бросит в сердцах короткое: «Стрельбе дробь! В базу». Ухватил-таки матросский флагман, как любовно прозвали его орлы революции в годы гражданской войны,

тактическую новинку червоноукраинцев. Сам ждет не дождется их зачетной стрельбы по щиту.

Испросив разрешения, на ходовом мостике появляется командир артиллерийской боевой части крейсера Свердлов. Все на нем с иголки. Фуражка задиристо жметя к затылку.

— Будто на праздник, — не без удовольствия оглядел ладно скроенную фигуру артиллериста матросский флагман.

— Так сегодня и правда праздник, товарищ командующий, — подладился к настроению начальства находчивый артиллерист.

— Вот как? Посмотрим! — И снова быстрый, снизу вверх, пыливый взгляд на Кузнецова.

Догадавшись, чего ждет от него старший на борту, тот резко обернулся к вахтенному офицеру:

— Боевая тревога!

Колокола громкого боя подоспели аккомпанементом навалившегося на крейсер мощному дождевому заряду.

— Пршу разрешения приступить к управлению огнем! — вскинул руку к козырьку франтоватой фуражки Свердлов.

— Добро! — глаза командира крейсера блеснули в остром прищуре.

Высокий, стройный, с открытым, светлым лицом, Николай Герасимович Кузнецов, несмотря на свои тридцать два года, выглядел по-настоящему боевым командиром. Это было заметно прежде всего по тому, как цепко ловили каждое его слово в боевой рубке, на боевых постах. Чувствовался в нем тот особо притягательный центр, который формирует не просто экипаж, а коллектив единомышленников.

Человек искренний и прямодушный, Кузнецов ни от кого не таил своего прошлого. Потому многие в экипаже знали, что родился он в глухой деревушке в двадцати верстах от Котласа. Край северный. И название той деревушки с единственной улицей, соответствующее северу, — Медведки. Наверняка частенько наведывались в нее хозяева тайги. Почему-то припомнилось сейчас флотскому командиру, как погугивала ими мать в далеком детстве. И все равно тянуло с соседскими мальчишками в путешествия берегами тихой и неприметной речушки Ухтомки. Тихая, тихая, но от дома далеко уехала.

...А дождь хлещет без роздыха. Чуть ли не на самом верху мачты качается во всем параде командир артиллерийской части. При такой погоде только с самой высокой точки наблюдения и управлять стрельбой.

Неотрывно следивший в эту минуту за артиллеристом, Кузнецов увидел, как тот поднял руку. Вскинул бинокль. Так и есть: на задымленном водяными нитями горизонте бугрились массивные мачты крейсера «Красный Кавказ». Вот и буксируемый им щит. Дальномеры «Червоной Украины» впились в него широко раздвинутыми глазами. Заложив крутой поворот, оба крейсера выходили на боевой курс.

Напряжение в боевой рубке достигло предела. И только матросский флагман, казалось, ушел в себя. Но Кузнецов, зная Кожанова, был уверен, что тот весь внимание. Большевик с марта 17-го, он водил матросские полки против Юденича на Балтике, против белогвардейцев на Волге, против англичан-интервентов на Каспии. А сейчас его судьбой стал флот, возрождению которого он отдавал всего себя. И как ему было ни радоваться слаженной боевой работе червоноукраинцев. Как ни отмечать, пусть пока не для всех, для себя, напористый характер их командира. Умный, грамотный, ищущий военмор. Интересно вчера он о Дейвиде Битти заговорил. В самую точку: недооценивал английский адмирал фактор внезапности. Поэтому первые удачные залпы кайзеровских кораблей и лишили его в самом начале боя сразу двух линейных крейсеров.

Приблизилось время открытия огня. И надо было такому случиться, что именно в эти считанные перед решающим моментом минуты на крейсер обрушился новый шквал дождя. По напряжению в лице Кожанова чувствовалось, что и он не менее других опасается попасть вместо щита в буксирующий его корабль. Неужели отменит стрельбу? А как она нужна «Червонной Украине», претендующей на звание лучшего корабля сил флота!

Да, положительно нравился Кожанову командир крейсера. Такой от своего не отступит. Смело ведет корабль. Только ветер свистит в надстройках.

Командующий Черноморским флотом любил держать свой флаг на «Червонной Украине». Для экипажа, в особенности для командира корабля, это было нелегким испытанием. Но в то же время и большой школой. Иван Кузьмич Кожанов, понимая законы развития флота, делал краткие и блестящие разборы учений и походов, умел заглянуть в будущее. В Кузнецове открыл человека, столь же безраздельно преданного флоту, как и он сам.

Флот вошел в судьбу Николая Герасимовича сразу и навсегда. В тринадцать лет лишившись отца, он был отдан в услужение хозяйину одной из котласских чайных. В ней не переводился люд с речной пристани, у которой она притулилась. Захаживали и настоящие морские волки, наезжавшие из Архангельска.

Самое яркое впечатление детства — первое путешествие на настоящем, как он тогда себе представлял, пароходе. Заворожили тяжелое, с прихрипом, дыхание паровой машины колесного буксира «Федор» и капитан, с важным видом вслушивавшийся в непонятные для молодого человека слова, что выкрикивал с носа верткий матрос, метавший в реку гирьку с веревкой.

Какую б угодно работу делал, только бы оставили на том буксире. Но двоюродный, по отцу, дядя по прибытии в Архангельск взял мальчонку за руку и, торопясь, повел его в работники.

И все-таки он стал моряком. Летом 1918 года записался добровольцем в Северодвинскую флотилию, заслонившую молодую

Республику Советов от напиравших с Севера интервентов. Огонь гражданской войны лишь слегка коснулся юного военмора. Но каков обжиг! Курс, выверенный по тому огню, был идеально точен и дал стране выдающегося флотоводца.

...Дрогнув, стрелки приборов замерли на риске «Товсь». Струной натянулся промокший до нитки, но не утративший приподнятости духа командир артиллерийской боевой части крейсера Свердлов. Командующий флотом поднял бинокль, пытаясь получить разглядеть сквозь дождь поминутно оседающий в волнах щит. «Мосты сожжены! Стрельба состоялась», — прочел в веселом, с бесинкой, взгляде Свердлова командир крейсера и услышал его налившийся металлом голос:

— Разрешите открывать огонь!

— Добро, — Кузнецов и сам не в силах скрыть волнения.

— Залп!

Оглушающе забасил ревун, и вслед за ним гроыхнули орудия «Червоной Украины». Дым еще не снесло за корму корабля, а комендоры уже доложили о готовности к новому залпу. Но надобность в нем отпала.

— Накрытие... — поступило сообщение с дальномерных постов.

— Поражение! — птицей вырвалось из груди артиллериста.

— Больно вы быстры, — недоверчиво опустил бинокль Кожанов. — Осмотрим щит.

Кренясь на развороте, крейсер вспарывал острым носом волну за волной. Щит встретил корабль немым салютом из трех огромных пробоин. Кожанов тут же задиктовал радиограмму по флоту. Она начиналась далекими от военной терминологии, но притягивающими внимание словами: «Впервые я видел...» Речь шла о поражающем первом залпе крейсера «Червона Украина», которому командующий флотом предрекал большое будущее в боевой учебе и в ходе реальных боевых действий, случись их вести на море.

Удачно примененная тактическая новинка червоноукраинцев дала жизнь патриотическому движению, существующему на флоте и поныне.

Стремление постигнуть умение наносить по врагу упреждающий удар как нельзя лучше отвечало знаменитому ленинскому наказу учить войска тому, что необходимо на войне. За год работы военно-морским атташе в сражающейся Испании Николай Герасимович Кузнецов не раз убеждался в великой мудрости этого завета. Будучи потом командующим Тихоокеанским флотом, а затем народным комиссаром Военно-Морского Флота СССР, он многое сделал для того, чтобы борьба за первый залп вылилась в стратегическое направление боевой подготовки сил флота. Трагическое утро 22 июня 1941 года показало непреходящую ценность этой огромной работы.

Если лед трещит, то единственное средство спасения — идти

быстрее. Эти услышанные в детстве слова, неожиданно всплыв в сознании, обожгли сердце. Только что от него ушел спешно вызванный из Берлина наш военно-морской атташе. Почти час рассказывал о военных приготовлениях гитлеровцев, обратив особое внимание на угрожающую концентрацию фашистских войск на границе с Советским Союзом.

— Так что же все это означает? — глухим голосом, в упор спросил Кузнецов.

— Это война! — последовал ответ.

Спасение — в быстроте, — принял решение нарком. Телеграф известил флоты и флотилии западных направлений о переходе на готовность номер один. Минутная стрелка часов начала описывать последний круг последних мирных суток. С тревогой поглядывая на часы, Николай Герасимович звонил в Таллин, Полярный, Севастополь, где находились штабы флотов. Приказывал: не дожидаясь посланного телеграфом сигнала, немедленно переводить корабли и части на высшую готовность.

В 3 часа 15 минут взволнованный доклад командующего Черноморским флотом: «На Севастополь совершен воздушный налет. Зенитная артиллерия отражает нападение самолетов. Несколько бомб упало на город».

Стало очевидным — война!

Красноречива первая сводка боев по действующему флоту. Не потеряно ни одного корабля, ни одного самолета. Ни один десант не был допущен на наше побережье. Не была взята с побережья, как, впрочем, в течение всей войны, ни одна военно-морская база.

Флот боевыми делами подтвердил свою готовность отразить внезапное нападение противника, а его молодой нарком с честью выдержал суровое испытание на государственную и военную зрелость.

— Нанесем удар по Берлину, — как о давно решенном твердо заявил Кузнецов, пригласив в свой кабинет начальника главного морского штаба.

Не найдя, что ответить, начальник главного штаба с прищуром глядел на наркома. И не понять, чего больше в его взгляде, — удивления или восхищения.

— Сейчас, сейчас поясню, — Николай Герасимович нетерпеливо повел головой в сторону длинного, для заседаний, стола. — Разворачивайте карту.

Выдержав короткую паузу, будто еще раз что-то взвесив, обвел карандашом кружок вокруг острова Эзель в Балтийском море:

— Что, если перебросить наши дальние бомбардировщики из-под Ленинграда сюда, поближе к фашистским тылам. А то ведь балтийские летчики дальше Либавы дороги не знают. Эзель даст возможность дотянуться до Кенигсберга, а на предельном радиусе и до Берлина!

Разработка смелой идеи заняла два дня. Главный морской штаб вместе со специалистами военно-воздушных сил флота просчитал все до мелочей. И во время доклада Верховному Главнокомандующему нарком Военно-Морского Флота со знанием дела развернул карту.

— Что это? — мундштук трубки Верховного потянулся вдоль четкой прямой линии, соединяющей остров Эзель с Берлином.

Твердо произнося каждое слово, Кузнецов принялся излагать суть дела.

— Ставка утверждает ваше предложение, товарищ Кузнецов,— только и сказал Верховный Главнокомандующий по окончании доклада.— Вы лично отвечаете за выполнение операции.

Согласие Ставки получено. Теперь нужно тщательно проработать каждую деталь предстоящей операции, решить массу сложнейших проблем, которым, казалось, не будет конца. Вот где раскрылся в полной мере организаторский талант Николая Герасимовича.

Командующий ВВС флота докладывал:

— Риск наших налетов на Берлин велик. Работать будем на пределе возможного. При полных бензобаках каждый дальний бомбардировщик может взять одну пятисоткилограммовую бомбу или две по двести пятьдесят. Но прошу учесть: на Эзеле у нас нет достаточных запасов топлива и авиабомб.

— Дело поправимое,— Кузнецов уже обдумал и этот вопрос.— Все, что надо, даст Таллин.

— Таллин держится на пределе сил,— напомнил начальник главного морского штаба.— Практически блокирован.

— Задействуйте и Кронштадт. Баржи должны быть небольшими. Но под сильной охраной. Максимальная осторожность в забитом минами Финском заливе. Доклад по каждой проводке.

Ставка Верховного Главнокомандования взяла на контроль реализацию дерзкого замысла военных моряков. О подготовке к бомбардировке Берлина докладывалось лично Верховному.

И вот настало время, когда с острова Эзель стартовали в ночное небо наши мощные ДБ-3. Николай Герасимович, получив сообщение о начале операции, дал указание адъютанту никого не принимать. Хотелось побыть наедине со своими мыслями.

Вспомнились годы учебы в училище, затем в академии. Как много они ему дали. Только тот, кто не был знаком с революционной романтикой, духом познания, царившим в этих ленинградских военно-морских учебных заведениях, мог удивляться звездной судьбе крестьянского парня, решившегося с трехклассным церковноприходским образованием стать морским офицером. Но революция сделала необыкновенность социальным явлением. Упорный труд, сильная воля, природная сметка помогли вчерашнему военному с успехом одолеть и подготовительные классы по программе реального училища, и серьезный курс наук в военно-морском учи-

лице. Три года плавания на крейсере «Червона Украина» командиром батареи, вахтенным начальником, и снова учеба. Оперативный факультет Военно-морской академии окончил с отличием. Была возможность продвинуться по штабной службе. Но Кузнецов давно решил: в службе надо идти последовательно, жить интересами боевого корабля. И он настоял на своем — получил назначение старшим помощником крейсера «Красный Кавказ».

Старпомил всего год. Но все знали: это благодаря Кузнецову крейсер стал одним из лучших кораблей на Черном море. А когда освободилась должность командира крейсера «Червона Украина», у командующего флотом Кожанова мнение было одно — назначать Кузнецова.

...Неслышно вошел адъютант. Стало ясно, — пора ехать на доклад в Ставку.

— Что с Берлином? — поинтересовался Верховный, едва Кузнецов появился в его кабинете.

— Операция началась.

Бомбардировщики авиации флота шли на Берлин. Шли, воплощая в реальность замысел адмирала Кузнецова. Фашисты, хвастливо возвестившие на весь мир, что советская авиация уничтожена и ни одна бомба не упадет на города Германии, не ожидали такой дерзости. Да было ли это дерзостью? Нет! Все строилось на точном расчете, на смелости и мастерстве флотских авиаторов.

Огни Берлина экипажи бомбардировщиков увидели издалека. Уточнили курс и беспрепятственно достигли цели. Сбросив бомбы, облегченные самолеты легли на обратный курс.

Фашистам и в голову не пришло, что их столицу бомбили советские самолеты. Они посчитали, что это дело англичан.

«Германское сообщение о бомбежке Берлина интересно и загадочно, так как 7—8 августа английская авиация над Берлином не летала», — заявили англичане.

Пришлось и гитлеровцам признать, что это советская авиация нанесла удар по Берлину. Тем более что такие налеты повторялись еще не раз.

Государственный ум и огромная энергия, глубокие знания морского дела позволяли Николаю Герасимовичу Кузнецову успешно решать задачи стратегического применения флота в годы войны. На недели, на долгие месяцы оттягивал флот силы врага на себя от направлений главных ударов. Либава и Таллин, Моонзундский архипелаг и непобежденный Гангут, героические Одесса, Севастополь, Сталинград, оборона Ленинграда и Мурманска — повсюду чувствовалось влияние таланта наркома ВМФ Кузнецова.

В решающие для Ленинграда сентябрьские дни 1941 года, когда враг был особенно силен, Ставка направила Кузнецова в город революции. Балтийские моряки, чьи старшие братья дали начало штурму Зимнего, стояли насмерть.

— В систему обороны Ленинграда включены линкоры «Марат», «Октябрьская революция», крейсера «Максим Горький», «Киров», «Петропавловск» и другие корабли,— докладывал командующий Балтийским флотом.— 130-миллиметровые морские батареи и орудия, снятые с «Авроры», создали невскую укрепленную позицию. Стоять будем до последнего. В случае необходимости — взорвем корабли.

— Думаю, до такой крайности не дойдем,— Кузнецов, до предела уставший в эти критические дни, все же сохранил бодрость в голосе. Он видел моряков в бою и знал, что говорил.— Каждый корабль беречь пуше глаз. Придет время, и мы вырвемся на просторы Балтики.

Как бы проверяя свои мысли о будущих боевых курсах балтийских моряков, нарком снова и снова торопился из штабных помещений на корабли. Подъехав к крейсеру «Максим Горький», долго стоял у его борта. В бою с фашистской артиллерией и авиацией корабль получил повреждения. Но экипаж сделал все, чтобы остаться в боевом строю. Огонь «Максима Горького» по Пулковским высотам, где засел враг, не ослабевал.

— Вижу, что настроение у вас боевое,— едва ступив на палубу, похвалил нарком командира крейсера.— Спрашивай, коли что надо, пока добрый.

— Мне приказано на случай прорыва врага приготовить корабль к взрыву. Должен буду уйти вместе с экипажем на берег воевать, а у меня все винтовки забрали.

— Считаю, что не придется тебе сходить с корабля. А стрелковое оружие сейчас морской пехоте вот как необходимо.— Кузнецов провел ребром ладони по горлу.— Работа моряка — в море. Об этом думай. К этому у экипаж готовь.

Огневым щитом Ленинграда стали форты флота и его корабли, сосредоточенные от Кронштадта до Невы. Они крушили фашистские танки на всем обводе замкнутого вокруг города кольца блокады. С удержанного морскими пехотинцами Ораниенбаумского плацдарма наши войска, поддержанные Балтийским флотом, нанесли мощный удар по обороне противника, дав начало боям за окончательное освобождение города Ленина от фашистской блокады.

Все это предвидел народный комиссар ВМФ, возвращаясь 12 сентября 1941 года из Ленинграда в Москву. Краснознаменный Балтийский флот жил, сражался. Но Кузнецов добивался большего. Теперь флот будет не только обороняться, но и наступать. Совершали прорывы в море наши подводные лодки. Готовились к будущим морским боям надводные корабли. И еще не раз скажут им спасибо наземные войска за поддержку огнем...

Суровый фронтовой город, ощетинившийся противотанковыми ежами, надолбами, другими оборонительными сооружениями. Такой увиделась Москва, когда ехал Николай Герасимович ее

улицами к зданию Наркомата. Но сколь ни вглядывался в тревожный, исполненный высшего напряжения облик столицы, ни в чем не мог заметить и тени растерянности, духовного надлома. Повсюду чувствовался тот наводимый твердой рукой порядок, который придает людям уверенность в себе и необычайную стойкость к каким бы то ни было испытаниям.

А ведь в это самое время, думал Кузнецов, на дальних подступах к Москве идут тяжелейшие оборонительные бои. Судя по данным разведки, в битву за сердце России противник втягивал силы, составлявшие без малого половину всей его армии вторжения. Каково там сейчас особой артиллерийской группе ВМФ? С ее тяжелыми орудиями не очень-то угонись за подвижными танковыми и моторизованными частями врага. Но и не имея запаса маневренности, флотские батареи наносили ощутимые удары по рвущимся к столице гитлеровцам.

— Ваша сила в дальности морского орудия, — учил Кузнецов вчерашних комендоров, ставших фронтовыми артиллеристами. — Используйте эту силу как можно чаще.

Следуя этому совету, моряки-артиллеристы дотягивались огнем своих орудий до самых дальних целей. Стрельба корректировалась по телефону. Фугасные и фугасно-осколочные снаряды огненным смерчем крушили живую силу, укрепления врага. Часто приходилось вступать в бой с танками. Моряки обычно поражали их с первого выстрела.

Однако Кузнецов понимал, что созданием особой артиллерийской группы участие моряков в обороне Москвы не ограничится. И действительно, вскоре Государственный Комитет Оборона принял решение сформировать двадцать пять морских стрелковых бригад.

— Хорошо, личный состав помалу снимем с каждого корабля, подождем тыловые подразделения, — рассуждал начальник главного штаба, придя на доклад к наркому с подробными выкладками. — Но где взять командиров, способных управлять боем на суше?

— Надо искать, — Кузнецов и мысли не допускал, чтобы в такое трудное для страны время ставить вопрос об откомандировании на флот командиров сухопутных войск. — Вспомним о роли Корнилова и Нахимова в обороне Севастополя. Пример давний, но и сейчас не перевелись у нас талантливые люди.

Флотские командиры-береговики, командиры корабельной службы, ставшие во главе новых морских формирований, полностью оправдали возглавлявшие на них надежды.

Кузнецов считал важным лично провожать на фронт, если позволяли обстоятельства, прибывающих на помощь защитникам Москвы моряков.

Уже по-зимнему стылый ветер взвивал бело-голубой Военно-морской флаг. На середине сомкнутых рядов моряков нарком

принял рапорт их командира. Поздоровался. Ответ на приветствие был не громким, но твердым.

— Товарищи! — начал Кузнецов, стараясь получше рассмотреть скрытые утренними сумерками лица бойцов и командиров. — Знаю, ваше прощание с кораблями, боевыми товарищами было нелегким. Но Родина позвала туда, где всего труднее. В опасности Москва. Вся страна с надеждой смотрит на ее защитников. Направив вас сюда, флот ждет добрых вестей. Не посрамям же флот!

Громкое «ура!» стало ответом на горячую речь наркома.

Поистине массовый героизм проявили флотские формирования в битве за Москву. Верность морским традициям проявилась во всем, даже в стремлении идти в бой в полосатых тельняшках, — пусть враг знает, с кем имеет дело!

Николай Герасимович, сам недавний тихоокеанец, всегда с особым пристрастием интересовался боевыми делами тихоокеанцев. Одну из сформированных на Тихоокеанском флоте бригад возглавлял полковник Молев. Кузнецов хорошо знал, что в годы гражданской войны Молев командовал батальоном в Первой Конной. Волею судеб оказавшись на флоте, ветеран помнил свою боевую молодость. И когда вновь пришлось сражаться на сухопутье, сумел доказать свою тактическую зрелость. Бригада под его командованием показывала образцы героизма. И вдруг докладывают: Молев погиб.

— Как погиб? Быть не может! Уточните.

Уточнили. Все верно. В тяжелейших боях за Клин моряки получили задачу выбить фашистов из села Борисоглебское. Комбриг несколько раз сам водил бойцов в атаку. Последними в его жизни были слова:

— Товарищи, вперед!

Как личное большое горе воспринял геройскую гибель комбрига Николай Герасимович. Но его слова «Товарищи, вперед!» вселяли уверенность в том, что никакие испытания не сломят наших бойцов и командиров. Даже расставаясь с жизнью, они думали о победе над врагом.

В один из декабрьских дней наркому доложили о трофее, добытом тихоокеанцами в жестоком встречном бою.

— Давайте-ка сюда, — с нескрываемым интересом произнес Кузнецов.

В кабинет внесли комплект парадного обмундирования гитлеровского офицера.

— Что за тряпье? — нахмурился нарком.

— Так это и есть трофей, товарищ народный комиссар. На четвертые сутки боя в селе Языково взят, в штабном вагоне такого тряпья навалом оказалось. Для парада в Москве уготовлено было.

Только теперь фашисту не до парада — дай бог ноги унести.

— Да, бегут волки. Скалятся, но бегут. Смотрел вчера фото-

снимки нашей воздушной разведки. Драп у фрица отменный. А ведь это всего лишь начало. Такое ли еще увидим!

Выполняя ответственные поручения Ставки Верховного Главнокомандования, Кузнецов активно влияет на организацию отпора врагу в районе Керчи, Севастополя, прилагает неимоверные усилия для создания Ладожской, Волжской, других флотилий, организации морских перевозок на Севере...

В августе 1942 года его видят в Новороссийске. В те дни как никогда была ощутима роль Черноморского флота в обороне Кавказа. Флот не дал гитлеровцам воспользоваться портами и прибрежными коммуникациями, когда они были позарез нужны противнику для поддержки продвижения войск по суше.

Вместе с командующим авиацией ВМФ нарком наблюдал за воздушным боем над городом. На их глазах два фашистских стервятника, сбитые нашими летчиками, рухнули в Цемесскую бухту. Но в город вражеские самолеты все же прорвались. Сброшенные ими бомбы вызвали пожары и разрушения.

— Что-то зачастил сюда фриц, — командующий авиацией, явно недовольный исходом боя, тем не менее вступился за своих летчиков. — Подлетное время у него небольшое, ведь с крымских аэродромов действует. Элемент неожиданности использует.

— Элемент элементом, а как вы думаете, чего ради он столько сил на Новороссийск тратит?

— Очевидно, хочет сорвать наши перевозки в Керчь.

— Логично, — согласился Кузнецов. Но тут же добавил: — Все внимание пока сосредоточено на обороне Керченского полуострова. А каковы дальнейшие намерения противника? Неясны они для нас. Вот над чем надо думать.

Тревожные предположения Кузнецова о возможных изменениях событий на южном фланге фронта подтвердило развернувшееся наступление гитлеровцев на Сталинград и Кавказ. Реальная угроза нависла над побережьем Кавказа и его портами. Новороссийск стал крайне необходим фашистам, чтобы обеспечить снабжение морским путем своей армии, когда она двинется вдоль побережья на юг.

— Немцы не должны завладеть Новороссийском, — выслушав доклад Кузнецова об увиденном и его соображения относительно планов противника, сказал Верховный Главнокомандующий. — Что для этого собирается сделать флот?

— Просим разрешения Ставки на создание Новороссийского оборонительного района.

Основываясь на приобретенном боевом опыте, нарком уделил максимум внимания повышению роли береговой артиллерии. Из стационарных и подвижных батарей были сколочены два дивизиона. Впоследствии они не раз выручали защитников базы.

Но натиск врага был столь велик, что стволы наших орудий порой накалялись докрасна. Гитлеровцы не считались с потерями и

бросали в сражение все новые и новые силы.

— Город в руках противника, — докладывали наркому. — Мы владеем только берегом Цемесской бухты.

— Нет, город наш. И будет наш, покуда за спиной у нас море. А вот немцам моря не видать. Потому что начинается оно с берега.

Ни один фашистский корабль не вошел в Новороссийский порт. Да и в самом городе захватчики чувствовали себя, как на раскаленной сковородке — каждый квартал его простреливался нашей артиллерией.

— Какой лозунг у защитников Новороссийска? — разговаривая по телефону с руководителями оборонительного района, поинтересовался нарком.

— Лозунг у нас один, — был ответ: — «Стоять насмерть!»

— Что ж, он сделал свое дело. Но теперь его пора сменить на призыв: «Вперед, на запад!»

...Телеграмма, поступившая из штаба Волжской военной флотилии, бросила Кузнецова в жар. Поднявшись из-за стола, он медленно подошел к окну и с силой распахнул обе створки. Легкий майский ветер ворвался в кабинет. В предзакатных лучах солнца билась нежная листва обрадовавшегося теплу старого тополя. Но, упершись недвижимым взглядом в крону дерева, Николай Герасимович жил сейчас Волгой. Огненные языки разлившейся по реке нефти нещадно жгли сердце. Сорок нефтяных барж, застрявших вследствие ударов фашистской авиации в районе Каменного Яра, были немым укором и морякам Волжской флотилии, и Главному штабу ВМФ.

— Чем располагает противник, действуя против нас на Волге?

Адмирал, пришедший на доклад к Кузнецову, коротко обрисовал обстановку:

— По данным разведки, для операций на Волге немцы выделили более ста самолетов. Они наносят удары по караванам с горючим, начали минирование фарватера.

— Все говорит о том, что противник придает большое значение выводу из строя стратегической водной магистрали. Поперек горла она ему стала. А вот мы посчитали Волгу глубоким тылом. И за это сурово наказаны. Если нефтеналивные суда застрянут на Волге, станет и фронт. Без топлива самолеты и танки — мертвый металл.

Наркомат ВМФ охватило серьезное беспокойство. Опасность, нависшая над главной водной магистралью страны, побуждала к немедленному действию. А вскоре и в Государственном Комитете Обороны встал вопрос о плавании по Волге. Назревали крупные события в районе Курской дуги, и Волга в них должна была сыграть свою особую роль.

Однажды утром позвонили из секретариата Верховного Главнокомандующего:

— Немедленно приезжайте!

В Кремле находились члены ГКО и руководители Генерального штаба.

— О значении Волги и перевозок по ней вам, я думаю, говорить не нужно? — вопросительно глянув на Кузнецова, Верховный взял со стола телеграмму. — Так вот, эти перевозки под угрозой срыва. Вам надлежит выехать на место, разобраться во всем и принять самые решительные меры для обеспечения движения судов.

Прибыв на Волгу, Кузнецов не раз вспоминал эти слова Верховного Главнокомандующего, понимая, какую ответственность они возлагают лично на него.

— С чего начнем, Юрий Александрович? — обратился нарком к командующему флотилией контр-адмиралу Пантелееву.

Пантелеева он отлично знал еще по совместной службе на крейсере «Червона Украина» и был уверен в нем, как в себе. Но командующий, заговоривший о тральщиках, число которых просто невозможно было увеличить в короткие сроки, неожиданно вывел Кузнецова из всегда присущего ему внутреннего равновесия.

— Тральщики, тральщики! Они что, с неба к нам свалятся? А караваны уже идут. Командующие фронтами чуть ли не лично распределяют каждую тонну горючего, а наши корабли рвутся на минах.

— Товарищ нарком, — Пантелеев и виду не подал, что его задел рассерженный тон Кузнецова. — Пока под тральщики переоборудуются все пригодные для этой цели суда, мы усиливаем сеть постов наблюдения. Будем засекаать каждую мину, сброшенную в Волгу. И каждую постараемся обезвредить.

— Ну, так уж и каждую, — улыбнулся Кузнецов. — Но идея хороша. Действуйте!

Чуть ли не всю Волгу, от Горького до Астрахани, где на машине объехал Николай Герасимович, а где на кораблях флотилии обошел. Не однажды попадал в опасные ситуации, под бомбежки. Сутками не смыкал глаз, организуя взаимодействие моряков флотилии с местным населением, поднимая на борьбу с минами партийные и советские органы. Это благодаря и его напористости, энергии в считанные дни вдоль Волги развернулись сотни постов наблюдения, усилилась противовоздушная оборона, были проложены новые фарватеры.

Обстановка по важнейшей стратегической коммуникации докладывалась в Ставку ежедневно. И Кузнецов, уже находясь в Москве, владел ею в полной мере.

— Волга трудится.

Таким был ответ на вопрос Верховного Главнокомандующего по поводу перевозок нефти из Астрахани.

— Молодцы моряки, — последовали слова благодарности. — В победу под Курском есть и их вклад. Передайте это вашим товарищам.

Адмиралы Н. Г. Кузнецов, Н. М. Харламов и Н. В. Антонов на Амуре

Задача активизации перевозок по Волге оказалась не из легких. Противник выставил сотни мин новейшего образца. Да и старые, сброшенные им еще в пору Сталинградской битвы, не были до конца обезврежены. Но в итоге битва за Волгу была выиграна. Советские войска, разгромившие врага на Курской дуге, безостановочно гнали его все дальше на Запад и были для этого в достатке обеспечены горючим.

...Настало время полного изгнания фашистов из Советской Прибалтики. Но враг не сдавал без боя ни одного рубежа. Войска и флот противника получили строжайший приказ: любой ценой удержать территорию Курляндского плацдарма, где была блокирована крупная группировка фашистских войск, и Восточную Пруссию. Гитлеровцы рассчитывали тем самым сковать здесь

В дни работы Потсдамской конференции (слева направо): Г. К. Жуков, Н. Г. Кузнецов, С. Г. Кучеров, А. И. Антонов

значительные силы Красной Армии, не допустить развертывания кораблей и авиации нашего флота в средней и южной частях Балтийского моря.

Но теперь уже не враг, а мы диктовали ему свои условия ведения войны.

— Операционной зоной флота является все Балтийское море вплоть до проливов, — говорил нарком ВМФ адмиралу В. Ф. Трибуцу. — Вам ясна стратегическая задача?

— Более чем ясна! — возразился на другом конце провода «ВЧ» командующий Балтийским флотом. — Сейчас готовимся содействовать наступающим войскам своей авиацией, артиллерийским огнем, высаживать десанты.

— Дело считаю крайне важным, — заявил Кузнецов. — Сегодня же выезжаю к вам.

Вскоре нарком прибыл в Палангу, небольшой курортный поселок. Здесь располагался штаб командующего Балтийским флотом.

Выбор был не случайным. В этом районе проходили морские коммуникации курляндской группировки противника. Именно здесь, почти у самого берега, наши торпедные катера и подводные лодки наносили удары по конвоям врага. Рядом были аэродромы, с которых балтийские летчики поднимались на бомбежку гитлеровских транспортов.

— Самым уязвимым местом противника сейчас являются его морские коммуникации, — докладывал командующий флотом, встретив наркома.

— Правильно, — одобрил этот вывод Кузнецов. — Фашисты понимают, что судьба их группировки по существу зависит от морских коммуникаций. Именно здесь сейчас и развернется самая ожесточенная борьба.

«Если раньше Балтийский флот вел боевые действия, базирясь на Ленинград и Кронштадт, то сейчас наши корабли и части ушли далеко на запад. А схема питания и обеспечения осталась без изменений. Освобожденные базы Таллина, Палдиски, Усть-Двинска сильно разрушены врагом и требуют капитальных восстановительных работ. Что делать?» — размышлял адмирал Кузнецов.

— Прежде всего, — говорил он адмиралу Трибуцу, — следует организовать надежную оборону наших коммуникаций — противолодочную и противоминную.

— Да, — согласился командующий флотом, — подводные лодки фашистов продолжают активно действовать. Применяет враг и минное оружие.

Одновременно изучались и вопросы, как в сложной обстановке, когда использовать крупные надводные корабли было нельзя, лучше, эффективнее бить врага наличными силами — подводными лодками, авиацией, торпедными катерами.

С добрыми чувствами следил Н. Г. Кузнецов, как все увереннее действуют силы флота. Одно за другим приходили радующие сообщения о победах на море.

— Будем считать, что и здесь мы перебороли фашистов, — сделал вывод нарком, после того как командующий Балтийским флотом доложил ему о действиях моряков в Кенигсбергской операции.

Он уже видел наш Военно-морской флаг в Берлине. Так оно и было. Столицу несостоявшегося третьего «тысячелетнего» рейха помогали штурмовать нашим доблестным войскам и бронекатера флота. Главнокомандующему ВМФ это было высшей наградой за все тяжкие испытания войны. А на парадном мундире флотоводца ярко сверкали Золотая Звезда Героя Советского Союза, четыре ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, два Ордена Ушакова I степени, орден Красной Звезды и медали, а также иностранные ордена.